

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 48

1967

Демьян БЕДНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СНЕЖИНКИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 48

Демьян БЕДНЫЙ

СНЕЖИНКИ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва, 1967

ПОД ЗНАМЕНА!

Мы идем под знаменами мира,
Мы к *свободе* народной идем!
Сбросив гнет *капитала-вампира*,
С ним последнюю схватку ведем.

Смотрят хмуро дворцы и палаты.
Банков сомкнута хищная пасть.
Люд рабочий, крестьяне, солдаты,
Укрепляйте народную власть!

Всем обманщикам гнусным народа
Дайте твердый и грозный ответ:
— Прочь!.. *Да здравствует мир и свобода,*
И Рабочий Народный Совет!

1917

ГОЛОСА ПОКОЙНИКОВ

Слышен сладкий голос снова
Церетели и Чернова,
С головы до самых пяток
Перепаханных ребяток.

Нет у них иного плана,
Кроме подлого обмана.
Зажужжали, словно мухи,
Распуская всюду слухи:

Что в рабочем, мол, народе
Большевизм уже не в моде,—
Что солдаты — верьте слову —
Прямо молятся Чернову;

Что за ним бегут... матросы:
Разрешат, мол, все вопросы
И дадут на всё ответы
Перевыборы в Советы.

Мы ж, Авксентьевы, Черновы,
К перевыборам готовы,
Нас трясет без лихорадки.
Навели бы мы порядка!

У селянского министра
Ноты сладкого регистра,
Но — Авксентьевы, Черновы —
Уж разгаданы давно вы!

Лучше, бросив бы столицу,
Укатить вам за границу
Без огласки, мирно, тихо,
Чтоб не сцапало вас лихо.

За совет за мой простите,
Поступайте как хотите,
Что хотите учиняйте,
Только после не пеняйте!

1918

БРАТЬЯМ

Международному пролетариату

Братья!
Час наступил торжественно-тревожный,
Последний час решительной борьбы,
Чей приговор жестоко-непреложный
Неотвратим, как приговор судьбы.
Сомкнулся круг, и спаяны все звенья.
Все взвешено, и все предрешено.
Пытливый дух не ищет откровенья:
Оно уж есть, оно уж нам дано.

Есть цель одна у подлых слуг монарших,
Иная цель у рати трудовой.
И сила вся у вас, у братьев старших,
Нас поддержать иль выдать головой.
Мы дали бой всем злым своим тиранам,
Не пощадив ни одного дворца.
Мы бились, не зная счета ранам,
Мы бились и бьемся до конца.
И если мы падем в борьбе неравной,
И если наш пробьет последний час,
Позор не нам, идущим к смерти славной,
А вам, кто мог спасти нас и не спас.
Но в грозный час, пред вражескою кликой,
Пред бурей и огненным дождем,
Сражаясь с насильем шайки дикой,
Мы веры все еще полны великой:
— Час наступил! Мы верим вам и ждем!

1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — «работница-сестра».

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И мстью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

1918

«ПРАВДЕ»

Брожение юных сил, надежд моих весна,
Успехи первые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя досель была красна,
Соединялося с тобою.
Не раз теснила нас враждебная орда
И наше знамя попирала,
Но вера в наш успех конечный никогда
У нас в душе не умирала.
Ряд одержав побед под знаменем твоим
И закалив навек свой дух в борьбе суровой,
В тягчайшие часы мы верим: мы стоим
Пред новою борьбой и пред победой новой!
Стяг красный водрузив у древних стен Кремля,
Стяг красный «Правды» всенародной,
Знай, трудовая рать, знай, русская земля,
Ты выйдешь из борьбы — великой
и свободной!

1918

МЕНЬШЕВИСТСКИЙ СТРАХ

(Переложение письма Л. Мартова о «всероссийском волостном сходе»)

Милый Родзянко! Ты был образцом
беспристрастия и порядочности по
сравнению с этими готтентотами!

Л. Мартов. Газета «Вперед», № 40.

«Дорогие петроградцы,
Меньшевицские все братцы,
Шлю вам срочно в Петроград
Про Советский съезд доклад.
Впечатленья, братцы, вроде
Был я в волости на сходе.
Драки не было... пока,
Но меж тем болят бока.
Ляжешь — ноет поясница,
Чуть вздремнешь — все Ленин снится,
От звонков кидает в дрожь,

Языком чуть шевельнешь —
Крик мне чудится Свердлова:
«Мартов, я вам не дал слова!»
Ах, встревожен я весьма:
Не схожу ли я с ума?

Трудно вспомнить съезд без гнева.
Словно вырвавшись из хлева,
Понял я (не скажем вслух),
Что такое «русский дух».
На потеху всей Европе —
Остолоп на остолопе,
Безголовый шумный сброд
Представлял собой — народ.
Обмозоленные руки,
Ум, не нюхавший науки,
Серость сверху и внутри —
На кого ни посмотри.
Политическая тупость,
Темнота, мужичья глупость,
Кругозору — на вершок,
Голова — пустой горшок,
Косность мысли, косность речи.

Вспомнил я иные встречи —
В ситуации иной.
Промелькнули предо мной
Благородные все лица,
Кем гордилась столица
(Питер! Питер! Не Москва!).
Вспомнил вещи слова
И величие осанки
Беспристрастного Родзянки.

Милый! Ты ли не был крут!
Но теперь, когда берут
Нас за горло готтентоты,
Я, забыв былые счета
И наученный судьбой,
Как бы ладил я с тобой!
Милюкова, князя Львова
Я бы понял с полуслова.
Мы б заправили страной,
Может быть, на лад иной,
Может быть, и буржуазно,
Только бы не безобразно,
Только бы не в лад с толпой,
С чернью дикой и слепой,

С разнуздавшимся рабочим,
С мужичьем и сбродом прочим,—
Говоря прямой — не с той
Ошалелой бедной,
Что пустилась на захваты,
Что врывается в палаты,
Выселяя богачей,
Что открыла без ключей
Банки с грабленным прибытком,
Что готова тяжким пыткам
Всех подвергнуть, кто не с ней,
Что, сомкнувшись тесней,
Ждет лишь ленинской команды —
Трудовые строить банды,
То бишь новый тип коммун.

Ах, мы все живем в канун
Величайших испытаний.
Сколько вынес я страданий,
Видя, кто приехал с мест
На проклятый этот съезд!
Сколько нового тут люда!
Спросишь: «Кто вы? И откуда?»

«Я-то?.. Пименов Сысой!»

Рваный. Чуть ли не босой.
Рожа — блин. Глаза живые.
Делегирован впервые
От десятка деревень.
Настоящий, в общем, пень:
Не обточен, не отесан,
Не умыт и не причесан.
Жадно слушает. Молчит.
Редко что-то промычит,
Неизвестно — что такое,—
И страшней мне станет вдвое,
Подойти боюсь к нему,
Сам не знаю, почему.

Ваньки, Митьки, Пети, Феди...

Кто они, мои соседи?
Кем он поднят, этот пласт?
Что возьмет и что он даст?

Коренасты, крепкоскулы,
Черноземные Микулы,—
Вот какую начал рать
Хитрый Ленин собирать.
Города связать с деревней,
Мощью новой с мощью древней
Возродить к победам Русь...
Это... вымолвить боюсь!»...

Мартов, вымолви, чего там!
Но... Не суйся к «готтентотам»!
Для кого Сысой, Федот
Людоед и готтентот,
Для кого ядро народа —
Грубый пень или колода,
Для кого вся беднота —
Только грязь и темнота,—
Тем не место в крестном ходе
На крутых путях к свободе,
Тем задуматься пора.

Мартов, битва — не игра!
Мы должны быть наготове
Отчитаться в каждом слове,
В каждом росчерке пера.
Мартов, битва — не игра!
В гнусном стане шарлатанов
Ты не жиденский Суханов.
Этот что? Пенсне да фрак,
«Новожиженский дурак»,
Лицемер самовлюбленный,
Клеветник и враль поденный,
Мастер твякнуть, хвост поджать,—
Но ему ответ держать.
Ты ж «грессишь» от раздраженья.
Мартов, больше уваженья
И к Советам и... к себе:
Больше честности в борьбе!

1918

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ КЛЯТВЫ

Памяти жертв Ленского расстрела

Мы дрогнули в те дни от страшной вести.
В один порыв сердца у всех слились.
Мы плакали, готовясь к часу мести,
И мы клялись.

Наш лютей враг, свершивший злой посев,
Заслуженной дождался ныне жатвы.
Товарищи, да будет свят наш гнев.
Идет борьба. Не забывайте клятвы!

1918

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
«Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночь потемнее,
Перетасил с деньгами ларь
В алтарь.
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
«Сей ларь — с Христовым телом».
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: «Нестъ божьих здесъ телес!
Христос воскрес!»

*
* *
*

Что пономарь был плут, я соглашусь, не споря,
Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

1918

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень—богатырь!
«Вишь как тут заросло, а был совсем пустырь.—
Молодняком помещик любовался.—
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В остратку мужикам... на случай своеволья!»
«М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза.—
М-да... розги — первый сорт...
Молоднячок... Лоза!..
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!»

*
* *
* *

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года все шли да шли,— и молодняк подрос.

1918

РАСКАЗАНСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Как во славном было городе — Казани,
Ожидаячи от нас прежаркой бани,
Не на пир оно честной, на пиrowание,
Темным вечером сходилось на собрание
Именитое казанское купечество:
«Постоимте, братцы, крепко за отечество!
Остоимте от конечной от погибели
Животы свои да праведные прибыли!»
А и много ж их, купцов, тут насбиралося.
Горе горькое к купцам, вишь, подбиралося,
Подбиралося к ним горе неотходное,
Большевиcтское ль то воинство народное,
Та ли силушка железная, упорная,
Та ли силушка крестьянская все черная,
Рать рать неодолимая, опасная,
Рать фабричная, заводская, все красная.
«А и что же вы, купцы, да пригорюнились?
А и что ж вы, словно бабы, все разнюнились?»

Богатырь Бова сказал им учредилковский,
То ли Лебедев, соратничек корниловский.
На купечество сердито он накинулся,
Ажно стол перед Бовою опрокинулся.
Богатырь, перед купцами он похаживал,
Свои жирные он ляжечки поглаживал,
Говорил он, сукин сын, да растабаривал,
Именитых толстосумов уговаривал,
Выговаривал купцам он укоризненно:
«Что вы смотрите, голубчики, безжизненно?
Что вы тесно так друг к другу попржижались?
А кого вы так, мил други, испужались?»

Богатырь ли тот Бова, он ухмыляется,
Богатырь ли тот Бова, он похвалается:
«Ой вы, добрые вы люди, вы не бойтесь,
Вы не бойтесь, мил други, успокойтесь,
Как я выведу всю гвардию да белую,
Офицерскую шеренгу пьяно-смелую
Да казацкую всю силушку яицкую,
Разобью я всю орду да большевицкую,
В пух и перья разнесу ее без жалости.
Раскошелтесь только, други, вы по малости!
Проявите достодолжное усердие,
К вашим храбрым оборонцам милосердие.
Как их доблесть вся в боях уж попритуплена,
Она, доблесть их, на денежки вся куплена,
Из французского из банка вся оплачена,
По трактирам по казанским порастрачена,
Самогонкою казанскою размочена.
А должна быть эта доблесть вновь отточена,
В сторублевые бумажечки оправлена,
На златом на оселочке вновь направлена!»

Приуныло тут крещеное купечество!
«Бьем челом тебе, отец, за молодчество!
Раскошелиться, что делать, нам приходится:
Твоя доблесть нам в копеечку обходится!
Пообчистили мы дочиста все лавочки,
Так не будет ли какой, хоть малой, сбавочки?»
«Братцы,— молвил тут купец-мудрец
Крестовников,—
Ублажим уж без отказа мы полковников.

Сколько б ни было за доблести им дадено,
Чай, поболе нами денег понакрадено!
Было дельце нам в Казани предоходное:
Казначейство обобрали мы народное;
Сколько золота там ни было в наличности,
Все прибрали мы к рукам без околичности.
Стало, нечего нам, братцы, канителиться:
Есть расчет теперь нам, братцы, раскошелиться!»
Посудили, порядили, покалякали.
Пели с вечера, а утречком заплакали:
«Ой вы, головы ж вы наши, запропашие!
Ой, полковники лихие, разледащие,
Ой, обманщик ты, Бова, душа злодейская!
Ой ты, беглая ты рать белогвардейская!
Да куда же вы, собаки, все рассеялись?
Понапрасну мы на вас так понадеялись
Ваша доблесть вся не стоит ни полущечки!
Завалящей не осталось у вас пушечки!
Побросали вы врагам все снаряжение!
Расказанское ты наше положение!»

Как во славной ли то было во Казани,
Дождались купцы от нас прежаркой бани.
Крепко парились купцы, да не допарились:
За Бовою улепетьывать ударились,
Во всю прыть они помчались без оглядошки,
Растерявши образа и все лампадочки!

Ой ты, Волга многоводная, широкая,
Что широкая, раздольная, глубокая,
Ты тряхни своею вольностью старую,
Зашуми да разбушуйся под Самарою!
Расскажи там всем про дело про казанское,
Что про войско про рабочее, крестьянское:
Оно движется, несется темной тучею,
Темной тучею, лавиною могучею;
Оно бьется за судьбу свою свободную,
За Советскую за власть простонародную!
Оно бьется, дышит ревностью ярою.—
Выше взвейся, красный флаг наш, над Самарою!

1918

ПОД САМАРОЙ

I

Волга желтою волною
Моем заросли раки;
Низко-низко над водою
Чайка белая летит.
Ты скажи-скажи мне, чайка,
Не видала ль ты, открой:
Где укрылась вражья шайка?
На горе или под горой?
Кто вдали, за перелеском,
Быстро скачет на коне?
Кто вспугнул ружейным треском
Диких уток в стороне?
То не красные ль дозоры
Обнаружили врага?
И не враг ли, прячась в горы,
Очищает берега?

II

Необозримая равнина,
Далекий оклик журавлей.
Стальная серая щетина
Промокших скошенных полей.
Деревня. Серые избушки.
Кладбище. Церковка, пред ней
Повозки, кони, ружья, пушки,
Снаряды, люди у огней.
Армеец гуторит с соседом,
Что есть за что костями лечь.
В полку оратор пред обедом
Держал напутственную речь.
Он говорил: «Вперед! В Самару!
Друзья, в решительном бою
Пусть враг узнает вашу кару!
Добейте подлую змею!»
«Слышал!»
«Слышал?»
«Добьем, известно!»
«Вперед нас, гадина, не тронь!»
Глаза простые смотрят честно.
Трещит приветливо огонь.

1918

КРАСНАЯ ВИНТОВКА

Песня

Много вынес невзгод
Наш несчастный народ,
Гнул веками пред барами спину,
Злые муки терпел
И в отчаянье пел
Заунывную песнь про дубину:

«Эй, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет,
Сама пойдет, сама пойдет,
Подернем, подернем
Да ухнем!»

Но дождались мы дней,
Стал народ поумней
И, простившись с рабской сноровкой,
На проклятых господ
Объявивши поход,
Не с дубиной идет, а с винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Мироедская рать
Хочет нас покарать,
Руки-ноги связать нам веревкой,
Но то в холод, то в жар
Разъярившихся бар
Перед красной кидает винтовкой.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

В деревнях кулаки
Собирали полки
Для поддержки помещичьей своры.
Бедняки ж, кулакам
Наложив по бокам,
Бар последней лишили опоры.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Стали баре скулить,
Бар заморских мслить:
«Ой, верните нам землю и банки!»
Англичанин, француз,
Заклучивши союз,
Присылают им войско и танки.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Англичанин — хитрец,
Но народ наш — мудрец,
И плюет он на вражьи уловки.
Танки вязнут в снегу,
Мы ж лихому врагу
Пулю в лоб шлем из меткой винтовки.

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Для банкирской мощны
Наши ружья страшны,
Но страшней наша вольная воля.
Мы за волю свою
Станем грудью в бою:
Смерть милей нам, чем рабская доля!

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

Мы пощады не ждем:
Иль в бою все падем,
Иль врагов уничтожим всех с корнем!
Ради светлых годин,
Братья, все, как один,
Общей силою ухнем — подернем!

Эй, винтовочка, ухнем,
Эй, заветная, сама пальнет,
Сама пальнет, сама пальнет,
Подернем, подернем
Да ухнем!

1918

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!»

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи?

Все пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой,
Мы б завьили в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

1918

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Памяти Карла Либкнехта

Удар ножа верней. К чему лобзанья в губы?
Иудю Либкнехт не предан, а убит.
Не надо слез и слов, пускай душа скорбит.
Товарищи, молчите, стиснув зубы.
На злое дело палача
Ответ один — удар меча.

*
* * *

Великий сын и страж заветов отчих
Шел по стопам великого отца,
И не было среди вождей рабочих
Отважнее и пламенной бойца.
Он вышел в бой с передовым отрядом
И первый пал от вражьего свинца.
И роем мы могилу сыну рядом
С священной могилою отца.
Хвала тому, кто жил и пал героем!
Пусть враг дрожит в предчувствии конца.

Товарищи, вперед железным строем!
Мы старый мир до основанья строем —
Таков завет и сына и отца.

*
* *
*

Ликует подлый враг, злорадства не скрывая.
— Товарищ! Пред тобой картина роковая.
Запомни смысл ее, носи ее в себе,
И то, что для врага является утехой,
Пусть будет для тебя святой и кровной вехой,
Путь указующей — к отмщенью и борьбе!

1919

ПРИВЕТ

*Посвящается
Третьему Интернационалу*

Мы все поем уныло: грустный
вой — песнь русская.

А. С. Пушкин.

Братья, сестры, товарищи милые!
Песни родины нашей протяжно-унылые,
Песни, полные горя, тоски и печали,
В колыбельных напевах над нами звучали.
Мы росли. И не пели, рыдали мы сами.
Над полями, степями, лесами,
Над Невою, над Днепром, над Окой и над Волгою
Песню грустною, долгою-долгою,
В день безрадостный, в ночь сиротливую, темную,
Свою боль, свою скорбь неуемную
Изливала страдалица Русь трудовая,
Под господской пятой изнывая.
Город малый, большой, и уездный, и столичный,
Сытой, праздною, барскою жизнью довольный,
Пожирал, как стоголавый паук,
Всходы наших посевов, плоды наших рук.
А в рабочих кварталах,
В грязных, душных подвалах,

В темных ямах подпольных
Городов, и уездных и стольных,
Беспощадная смерть злую жатву косила,
Своим жертвам не зная числа.

Здесь ты гибла и здесь ты росла,
Пролетарская сила!
Здесь, лишённые ласки отцов, матерей,
Чьи досуги бывали так редки,
Пролетарские дети у барских дверей
Робко жались, на барские зарясь объедки.
В беспросветной нужде подрастая,
Беспризорная детская стая
Уходила до срока отсель:
Шла навстречу позору, обидам,
Шла на смену отцам — трудовым инвалидам,
Нищим, брошенным властной рукой на панель,—
Шла на муки и муки покорно сносила.
Здесь росла ты и гибла, пролетарская сила!

Эти улицы пышные, плиты, торцы,
Золоченые храмы, музеи, дворцы,
Эти пристани, эти вокзалы,
Магазины, пассажи, театры и залы,
Рестораны, шантаны, сады,
Их беседки, аллеи, пруды,
Блеск и роскошь безумная прихоти барской —
Это все создавалось тобою, тобой,
Городской голытьбой,
Силой рабской, слепой, пролетарской.
Это ты приводила в движение заводы
И, в подвалах ютясь, возводила дома.
Это ты господам умножала доходы
И, лишённая радостей, света, свободы,
Свои цепи ковала сама.
Замерзая на холоде лютом,
Ты, кому был обычным приютом
Ров, ночлежка, больница, тюрьма,
Ты свирепую алчность злодеев питала,
В паутине стальной паука-капитала
Обливалась кровью, сходила с ума;
Наполняя кабак взбудораженным гулом
Злобной брани и песен, похожих на вой,
Утешалась безудержным пьяным разгулом
И в отчаянье билась о стол головой.
К светлой доле пути тебе были заказаны,
Богатырские руки твои были связаны.

Это ты, свои силы бесплодно губя,
Поднимая порою великие смуты,
Усмирjala своими руками себя,
Надевала опять свои ржавые путы.

В цепких лапах держала тебя, беднота,
Вековая твоя темнота.

Гольтьба городов с деревенскою голью,
Вы одной были спаяны болью,
Были скованы цепью одной.
Богачи, помыкая родною страной,
Вас, в мундиры затянутых,
Лапью царской, церковной и школьной обманутых,
На всемирный погнали разбой —
Биться насмерть с такой же, как вы, гольтьбой,
С пролетарскою ратью, в мундиры затянутой,
Палачами своими обманутой.

Мироедов своих защищая прибитки,
Горемычная Русь, ты не вынесла пытки.
Над тобой, разоренной, голодной,
Истекавшею кровью народной,
Рос и ширился новый, суровый напев.
Сквозь рыданья и стоны тоски безысходной
Рокотал назревающий гнев!

Он пронесся над нами живительным громом!
Он раздался, как грозная весть:
Пролетарий восставший дворцам и хоромам
Объявил беспощадную месть!

Под знаменами алыми, с песнями новыми,
Против тех, кто сковал нашу волю оковами,
Помыкая безжалостно нашей судьбой,
Повели мы последний, решительный бой.
Тяжко было бороться нам с вражьюею кликой,
Много жертв принесли мы для цели великой,
Долго бились одни мы, без братской подмоги,—
Были дни испытаний и жуткой тревоги.
Но пришли наконец долгожданные дни:
Мы теперь — не одни!
И ничьей не порвать уже силе враждебной
Пролетарскою клятвою спаянных уз.
Братья, сестры! Приветствуйте песней хвалебной
Мировой пролетарский союз!

1919

ФРАНЦУЗСКАЯ БУЛКА

С колчаковского аэроплана в красноармейские окопы была сброшена обернутая в прокламации французская булка.

Отец служил у «дорогих господ»
(Свои харчи и восемь красных в год),
А я, малец, был удостоен чести:
С сопливым барчуком играл нередко вместе;
Барчук в колясочке мне кнутиком грозил,
А я... возил.
Не помню, то ль «игра» мне эта надоела,
То ль просто мною дурь мужичья овладела,
Но... «конь» забастовал и, бросивши игру,
К отцу забился в конуру.
Барчук, упорствуя, стучал ко мне в окошко:
«Ну, повози меня, Демьян, еще немножко!»
И соблазнял меня,
Забастовавшего коня,
Ревевшего в каморке гулкой...
Французской булкой!

*

* * *

Когда я услышал о «булке Колчака»,
Я вспомнил барчука.
Ну что ж? Польстяться на ласку,
Впряжемся, что ль, опять в господскую коляску?!
«Дай, барин, булку. А потом...
Хоть застегай нас всех кнутом!»

1919

НАБАТ

Сегодня «День советской пропаганды»,
Призыв для тех, кого объяла лень.
Пропагандист, как я, не ждет команды;
Я бью в набат уже не первый день.
Враг опьянен безумною отвагой,
Идет к концу неразрешенный спор.

В последний раз с дворянской тонкой шпагой
Скрестили мы наш боевой топор.
Пронзит ли враг нам сердце острой сталью?
Иль голова слетит с дворянских плеч?
От братских сил отрезаны мы далью,
А у врага нет сил для новых сеч.
В отчаянье он все на карту ставит,
Ему назад дорога отнята...
Вперед, бойцы! И пусть змею раздавит
Железная рабочая пята!

1919

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Мемориальная доска

На Красной площади, у древних стен Кремля,
Мы — стражи вечные твои, товарищ милый.
Здесь кровью полита земля,
Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты — еще в строю,
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

1919

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Парадный ход с дощечкой медной:
«Сергей Васильевич Бобров».
С женой, беременной и бледной,
Швейцар сметает пыль с ковров.
Выходит барин, важный, тучный.
Ждет уж давно его лихач.
«Куда прикажете?» — «В Нескучный».
Сергей Васильевич — богач.
Он капиталов зря не тратит.

А капиталы всё растут.
На черный день, пожалуй, хватит,—
Ан черный день уж тут как тут.

Пришли советские порядки.
Сергей Васильичу — беда.
Сюртук обвис, на брюхе складки,
Засеребрилась борода.
Нужда кругом одолевает,
Но, чувство скорби поборов,
Он бодр, он ждет, он уповает,
Сергей Васильевич Бобров.
Когда Колчак ушел со сцены,
Махнули многие рукой,
Но у Боброва перемены
Никто не видел никакой.
Юденич кончил полным крахом:
У многих сердце в эти дни
Каким, каким сжималось страхом,
А у Боброва — ни-ни-ни.
Деникин — словно не бывало,
Барон — растаял, аки дым.
Боброву с виду горя мало,—
Привык уж он к вестям худым.
И, даже видя, что в газетах
Исчез военный бюллетень,
Он, утвердись в своих приметах,
Ждет, что наступит... *белый* день.

И вдруг... Что жизнь и смерть? Загадка!
Вчера ты весел был, здоров,
Сегодня... свечи, гроб, лампадка...
Не снес сердечного припадка
Сергей Васильевич Бобров.

Бубнит псалтырь наемный инок
Под шепоток старушек двух:
«Закрыли Сухарев-то рынок!»
«Ох, мать, от этаких новинок
И впрямь в секунт испустишь дух!»

1920

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горюк,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

1925

РАЗГАДКА

«Октябрьским» праздникам не все, не все им рады,
Не все любятися на красные парады.

В то время как одни
Восторженно встречают эти дни,
Другие предаются плачу,

Пытаясь разрешить мудреную задачу:
«Какие силы нас спасут? Какой герой?
Доколь советскую терпеть мы будем участь?
Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем объяснить его проклятую живучесть?
В чем зло? — шипят они.— Разгадка в чем?
Ну в чем?!»
Шипят, наморщивши прожухлые морщины.

А молодая жизнь играет, бьет ключом,
И «новый строй» — у новой годовщины!

Да, были времена!..
И поучительна седая старина.
«Душа» народная сегодня ли раскрыта?
От прапрапрадедов идет народный сказ,
В нем — поэтический показ
Простонародного мучительного быта.
Не княжьи грамоты, не летописный свод.
Что мог он записать, неграмотный народ?
С усмешкой горькою и прибауткой грустной
Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих светлых дней.

Бывало, сколько раз бывало:
Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнувшее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь.
Привыкнувши всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильными ползя ползком, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.

А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор,
Бояре были все прямые остолопы,
С холопами — цари, а пред царем — холопы.
И всех — царя, бояр — дурачил кто? — сморчок,
Не фряжский принц, не князь Тверской или
Смоленский,

А так — парнишка деревенский,
Запечный богатырь, Ивашка-дурачок!

Нет, сказка не была пустою балагурью.
И «дурь» мужицкая была особой дурью.
Ни змей-горынычей, ни окиянских бурь
Не трепетала эта дурь,
На трудный подвиг шла, на страшные мытарства,
Ныряла в глубину, взлетала в высоту,
Чтоб оттягать себе царевну-красоту
И за царевною — *полцарства*.
Жар-птицей бредила, ослепши в темноте,
Дворцы ей снилися — в бескрайной нищете,

Сгибаясь под господским гнетом,
Искала для борьбы *дубинку-самобой*
И, бездорожная, в лазури голубой
Летела птицей в край любой,
Обзаведясь *ковром* — волшебным *самолетом*.
Голодную, сомлев от барского тягла,
На отдых в хижину свою она брела,
Голодную в тягло впрягалась спозаранку,
Но в сказочных своих мечтах изобрела
Усладу, *скатерть-самобранку*;
В обычай стало ей пить мертвую, когда
Дни мертвые ее из рук вон были худы,
Но песенку про то, что кончится беда,
Что где-то — поискать — *живая есть вода*,
Ей пели *гусли-самогуды*.
Порою клином ей сходилася земля,
Но оттого не став угрюмой нелюдимкой,
А сердце сказкою-утехой веселя,
Спасалася она под *шапкой-невидимкой*,
Срывалась с места, «шла вразброд»
И грела кистенем «лихой боярский род»
Под боевую перекличку:
«Сарынь на кичку!»

Не слышно клекота двуглавого орла,
Истлели когти, клюв, два сломанных крыла.
Русь черносошная доверилась Советам:
Они несут ей все, чего она ждала,
Согласно сказочным заветам.
Жар-птица?! Вот она, гляди:
С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!
Жар-птицей овладеть — все ночи станут днями.
Русь темная была — и поросла быльем:
Все наши города, посадки, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильем,
Мы электричеством зальем!
Сверкай, советская деревня и столица!
Свет электрический — чем не твоя *жар-птица?*
Теперь любуйся: вот она перед тобой,
Волшебная *дубинка-самобой!*
Враг знает, больно как дубинка эта бьется,
Что Красной Армией зовется!

Вот артиллерия, вот конные полки,
Вот комсомольский цвет — герои-моряки,
Вот неоглядные ряды стальной пехоты,—
Над ними, в облаках, смотри, вблизи, вдали,
Стальные реют журавли,—
То наши *чудо-самолеты!*

А вон по целине — на поприще ином —
Идет волшебник-агроном,
Целитель пахоты больной, ученый знахарь:
Он знает, за какой землей уход какой,
И знает он, что *клад* мужицкий под рукой,
А рядом богатырь, железный *самопаларь*,
Прабабушке-сохе гудит заупокой.
Стихает здесь и там мужичья перебранка;
Трехполье тощее оставив позади,
Дивятся мужики, что их земля, гляди,
Взаправду *скатерть-самобранка!*

А вон в избушке Пров, Авдотья, Клим, Панкрат
Умильно слушают волшебный аппарат.
Деревне по сердцу советские причуды!
Москва по радио ей голос подает,
Про все, что деется на свете, знать дает:
То наши *гусли-самогуды!*
Ивашка-дурачок, парнишка боевой,
Полцарства добывал, рискуя головой.
Ан вечно — на престол лишь заносил он ногу —
Какой-то заяц роковой
Перебегал ему дорогу!

Но был он выручен другим богатырем:
Рабочий, бившийся без устали с царем,
В час горький подоспел Ивашке на подмогу:
«Эй, паря-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Полцарства ты хотел? Все царство заберем!»
«Все царство? — отвечал Ивашка.— Тож не худо!»
Вот было чудо!

Это чудо
Зовется *«Красным Октябрем!»*
Так пролетарская решила всё замашка:
«Дворцами бредил ты, Ивашка?
На, получай дворец, где нежилась цари!»
И вот в Ливадии всем мужикам — смотри! —
Рабочий преподнес, а не святой Егорий,
Дворец — крестьянский санаторий!

«Души» мужицкой — в том господская беда —
Не разгадали господа.
А сколько делали они лихих попыток,
Чтоб от нее иметь свой даровой прибыток!
За непокорное земное житие
Грозили ей в церквах загробной божьей мезтью
И насмерть отравить пыталися ее
Патриотическою лезтью.
Порфиросные российскийские цари
Не раз пыталися ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
«Христолюбивая! Вперед!
За Русь святую!» Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.
А те, чьи черепа пустые малоёмки,
Твердили, что «душа народная — потемки»
И русский-де народ — «загадочный народ»!
Загадка для господ была неразрешима —
Разгадка не совсем по вкусу им была.
И старина для них казалась нерушима.
Ан вот — вся старина разрушена дотла,
Свершились наяву чудесные явленья,
И над седым Кремлем — залог осуществленья
Уже не сказочных, а ставших явью благ —
Горит-полощется советский красный флаг!

1925

СОДЕРЖАНИЕ

Под знамена!	3
Голоса покойников	3
Братьям	4
Работнице	5
«Правде»	6
Меньшевистский страх	6
Не забывайте клятвы	10
«Христос воскрес»	10
Молодняк	11
Расказанское положение	11
Под Самарой	14
Красная винтовка	15
Проводы	17
Незабываемое	19
Привет	20
Французская булка	23
Набат	23
Братские могилы	24
Последняя капля	24
Снежинки	26
Разгадка	26

Демьян Бедный

СНЕЖИНКИ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00333. Подписано к печати 15/І 1968 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,40 условн. печ. лист. 1,54 учетно-изд. л. Тираж 108 650.
Изд. № 2357. Зак. № 3245. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ СМЕШАННОГО
СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ НА РАЗЛИЧНЫЕ СРОКИ
И СТРАХОВЫЕ СУММЫ**

● Договоры смешанного страхования жизни заключаются с гражданами СССР в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет, но не далее достижения застрахованным 70-летнего возраста.

● По этим договорам Госстрах выплачивает страховую сумму самому застрахованному по окончании срока действия договора страхования, а также при постоянной утрате застрахованным общей трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на работе или в быту.

● В случае смерти застрахованного от болезни или другой причины страховая сумма выплачивается лицу, назначенному для получения этой суммы.

● Месячный страховой взнос с каждых 100 рублей страховой суммы устанавливается в зависимости от возраста лица, желающего застраховаться, и срока страхования. Так, например, лица в возрасте 30—37 лет при пятилетнем сроке страхования и страховой сумме 300 рублей уплачивают в месяц 5 руб. 25 коп.

Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договора обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать к месту вашего жительства или работы.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ СМЕШАННОГО
СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ.**

Главное управление государственного
страхования РСФСР